

УДК 821.111

**БАЛЛАДЫ О ВОЗВРАЩАЮЩИХСЯ МЕРТВЕЦАХ
В ШВЕДСКОЙ И АНГЛО-ШОТЛАНДСКОЙ ТРАДИЦИЯХ****Е.А. ПАПАКУЛЬ***(Полоцкий государственный университет)*

Анализируются сюжеты народных баллад о возвращающихся духах умерших с целью выявления общих черт и различий в шведской и англо-шотландской балладной традиции. Компаративистский метод, использованный для данного исследования, является в настоящее время особенно актуальным при изучении межкультурных взаимодействий в современных условиях глобализации. Более того, использование метода сравнения позволяет обнаружить доказательства версии о неоднородности англо-шотландских народных баллад, что даёт возможность говорить о типично английских и типично шотландских балладных сюжетах, а также о большей связи шотландских баллад о возвращающихся мертвецах со скандинавской, а не с английской традицией.

Введение. По своему содержанию, проникнутому мотивами, уходящими в глубокую старину, мифологически-фантастические баллады являются наиболее древним пластом балладного жанра, хотя большинство дошедших до нас текстов относится к эпохе более поздней, чем тексты многих исторических баллад. Мифологически-фантастические баллады дольше сохранялись в устной традиции; по-видимому, образованных или полуобразованных собирателей и издателей баллад больше привлекала история, а народных певцов – волшебный мир, в который они продолжали верить и после того, как «исторические лица» уже давно отошли в прошлое и перестали вдохновлять народное воображение [1, с. 111].

Следует отметить, что из известных в настоящее время более трёхсот английских и шотландских народных баллад сверхъестественные события встречаются примерно в сорока из них. Самое авторитетное на сегодняшний день девятитомное издание шведских народных баллад “Sveriges medeltida ballader” [2] в первом томе, посвящённом “naturmytiska visor” (природно-мифологическим балладам), содержит тексты 36 типов баллад (балладных сюжетов) по изучаемой теме.

Баллады с мифологически-фантастическим сюжетом характеризуются богатством тематики: это баллады, повествующие о превращениях, о встрече человека со сверхъестественными существами, о волшебной силе музыки, рун и других видах магии. К отдельной группе можно отнести баллады о возвращающихся с того света мертвецах.

Основная часть. Рассматриваемая тема объединяет 4 шведские баллады: “Herr Mårten” (в единственном варианте публиковалась с начала XVI века); “Sorgens makt” (в большом количестве вариантов фиксировалась с начала XIX века); «Styvmodern» (более чем в 60 вариантах печаталась в Швеции и Финляндии с начала XIX века); “Herr Holger” (впервые опубликована в 1889 году). Общий сюжет баллад “Herr Mårten” и “Herr Holger” сводится к следующему: убитые за совершённые преступления Гер Мортен и Гер Хольгер возвращаются из ада и просят своих жён (в первом случае через друга Гера Мортена Вальдемара Хюттэ) вернуть украденные ими земли, деньги либо корову их настоящим владельцам. Однако концовка баллад совершенно разная. В “Herr Mårten” жена Мортена, увидев знак, посланный мертвецом: “... bed henne se under min nattstuvesäng, // Mine skor stå fulle med blod” (“Попроси её посмотреть под мою кровать, // Мои сапоги наполнятся кровью”), не только возвращает захваченное поле владельцу, но и договаривается, чтобы в церкви отслужили семьдесят месс за упокой души её мужа.

В балладе “Herr Holger” муж долго уговаривает свою жену вернуть крестьянину корову, а Ромману и Скруману – деньги, но несмотря даже на его описания всех ужасов ада, которые ждут его жену, она говорит следующее:

*“Nej, om jag så skulle i helvete som svan,
Så vill jag ej blifva utfattig försann.
Får du i helvete med svennerna dina!
Så kommer jag efter med möerna mina.”*
(“Нет, уж лучше попасть в ад,
Чем быть бедной, но безгрешной, как лебедь.
Так что возвращайся в ад со своими слугами!
А позже и я туда попаду с моими служанками.”)

Таким образом, для героини данной баллады, в отличие от предыдущей, обеспеченность в земной жизни гораздо важнее, нежели вечные муки в аду.

Нисколько не пугают муки загробной жизни и героиню баллады “Styvmodern”. В произведении повествуется о рыцаре Ульвере, у которого от первой жены Сёдерберг было три сына. Однако “...kommer döden... och tager bort fru Sölverberg” (“... пришла смерть... и забрала госпожу Сёдерберг”), и Ульвер вынужден был найти себе новую жену, которая также родила ему детей. И как часто бывает в таких историях, мачеха не давала жизни детям Ульвера от первого брака. И вот однажды плач детей будит их мёртвую мать, которую ангелы соглашаются отпустить к детям, но с одним условием “... kom blott igen förr’n hanarna gala” (“... вернуться до первых петухов”). Она видит плачевное состояние несчастных, вынужденных жить в голоде и холоде детей и обращается к мачехе с такими словами:

“Har du mina barn varit hulder och god,
Gud fader i himmelen berett dig en stol!”
(“Если бы ты к моим детям была заботлива и добра,
Отец наш Господь в небесах приготовил бы тебе место!”)

Но как и в балладе “Herr Holger” эти слова не имеют никакого воздействия на мачеху, и в ответ она слышит:

“Har jag varit barnen en styvmoder styr,
Härefter vill jag bli en moder så blid.”
(“Какой прекрасной мачехой была я для детей,
Такой же и нежной матерью для них буду.”)

После этих слов, понимая, что в земной жизни детей не ждёт ничего хорошего, мать забирает их с собой на небеса.

“Sorgens makt” – типичная “леноровская” баллада. Молодой возлюбленный Керстин возвращается из могилы к любимой, всю ночь они беседуют, но с первыми петухами мертвец должен вернуться на кладбище. Девушка следует за ним и клянётся “... här skall jag sitta, tills Herrn Gud mig tar” (“... сидеть возле могилы, пока Господь Бог не заберёт её”). Но тут она слышит голос своего любимого, который говорит, что каждая её слеза, упавшая на могилу, наполняет его гроб кровью, а если же она вернётся домой и перестанет печалиться, то его гроб будет полон лепестками роз. Таким образом, в отличие от классической “леноровской” баллады, финал “Sorgens makt” не трагичный, а, наоборот, жизнеутверждающий.

В первых трёх балладах очень силён христианский мотив раскаяния и искупления вины ради успокоения души. В них встречаем христианские понятия: “Gud fader” (“Господь Бог”); “ängel” (“ангел”); “helvete” (“ад”); “himmel” (“небеса, рай”); “mässa” (“месса”).

В “Sorgens makt” ведущий мотив – любовный, однако в приведённой выше цитате также видим прямое обращение к Богу. Таким образом, фантастический элемент данных баллад тесно переплетён с христианскими мотивами.

Баллады о возвращающихся духах и мертвецах характерны также и для Англии и Шотландии. Английская баллада “Sweet William’s Ghost” относится к “леноровской” традиции и была источником для Бюргера. В ней мы встречаем идентичный сюжет шведской баллады “Sorgens makt”. Отличие заключается лишь в том, что, как только возлюбленная Уильяма Маргарет и его дух приходят к его могиле, слышится крик петухов, наступает рассвет, и дух рассеивается, словно туман. Их разговор прерывается словами Уильяма о том, что для них двоих его гроб слишком тесен. Просьба к возлюбленной не печалиться по поводу его смерти, как в “Sorgens makt”, отсутствует.

Интересны балладные диалоги “Sweet William’s Ghost”, представляющие собой не столько разговор возлюбленных, разделённых смертью одного из них, а скорее диалог некоего ритуального действа. После стука в дверь Маргарет спрашивает, кто там, перечисляя своих родственников, а потом и своего мёртвого возлюбленного Уильяма:

“Is it my father Philip?
Or is’t my brother John?
Or is’t my true love Willie,
From Scotland new come home?”

Ответ Уильяма – в точности повтор слов Маргарет, лишь с отрицанием того, что это не её брат или отец:

“Tis not thy father Philip,
Nor yet thy brother John,
But ‘tis thy true love Willie,
From Scotland new come home.”

Такого же характера диалоги встречаются в балладе ещё дважды (когда Уильям просит у девушки веры и правды, и когда Маргарет спрашивает, есть ли в гробу место и для неё). В целом для читателя такие диалоги звучат как некоторого рода заклинания.

Несмотря на то, что баллада является английской, умерший Уильям “... *from Scotland new come home*” (“... *вернулся домой из Шотландии*”). Таким образом, фантастический элемент в английских балладах, как это часто бывает в англо-шотландской традиции, ассоциируется не с Англией, а с её северной соседкой Шотландией.

Ещё одна баллада о возвращении призрака-любовника из могилы – шотландская “The Demon Lover” (также известная под названиями “James Harris”, “James Herries” и “The House Carpenter”). В ней отсутствовавший семь лет жених прибывает к своей невесте в Ирландию и упрасивает уехать с ним, хотя на тот момент у неё уже был муж и маленький сын. Вначале она отказывается, но описания его восьми прекрасных кораблей, где “... *the sails are of the finest silk, // and the masts of beaten gold*” (“... *паруса из лучшего шёлка, // а мачты из чеканного золота*”), и его обещания показать ей лилии на берегах Италии заставили её бросить всё и уехать с ним. Но только они отплыли, призрак карает девушку за её неосмотрительность: он увеличивается до невероятных размеров, ломает корабль на части и топит несчастную в море.

Как и в шведских балладах “Herr Mårten”, “Herr Holger” и “Styvmodern”, в данном произведении центральная роль отведена христианскому мотиву, но если в шведских балладах это мотив искупления грехов, то в “The Demon Lover” – наказание за грехи. Девушка гибнет от рук призрака не только за то, что она не сдержала данную ему клятву, но и за её предательство нынешней семьи. Когда они вышли на корабле в море, она увидела прекрасные холмы, залитые солнцем (“*yon pleasant hills, that the sun shines sweetly on*”), и ужасную гору, покрытую снегом (“*mountain... so dreadly with frost and snow*”). На вопрос, что это такое, в ответ она слышит, что прекрасные холмы – это рай, в который она никогда не попадёт, а гора – ад, куда они сейчас и отправятся (“*Yon is the mountain of Hell... where you and I must go*”).

Примечательно, что события в данной шотландской балладе разворачиваются не в самой Шотландии, а в Ирландии.

Сходные балладные сюжеты о возвращении любовника или брата из могилы часто считаются единым сюжетом. Непомерное горе звучит в словах умерших в “The Unquiet Grave” и “The Wife of Usher’s Well”. К этому же классу баллад относятся и “Proud Lady Margaret”, “Fair Margaret” и поздняя “James Harris, the Demon Lover” – которая впечатляет не столько содержанием, сколько названием – и “Willie’s Fatal Visit” [3, с. 238].

Посещает свою возлюбленную дух погибшего лорда в шотландской балладе “The Knight’s Ghost”. В ней девушка Дженет выходит на берег встречать своего ушедшего в плавание мужа, но когда приплывает корабль и она видится со своим отцом, выясняется, что её любимый погиб. Она завлекает всех моряков в погреб, чтобы отпраздновать “... *this gude news*” (“... *эту хорошую новость*”), поит их, а после замыкает погреб и проклинает их за “... *this bad news*” (“... *эту плохую новость*”). Ключ она выбрасывает в море со словами:

*“Lie there wi’ my sad malison,
Till my gude lord return to me.”*
(“Лежи там с моим тёмным проклятием,
Пока мой добрый лорд не вернётся ко мне.”)

В ту же ночь к ней является дух её возлюбленного с выброшенным ключом и просит освободить его людей, уверяя, что они непричастны к его гибели. Дженет соглашается, но прежде чем дух уходит, спрашивает его, когда она умрёт. В ответ Дженет слышит:

*“I hae nae mair o’ God’s power
Than ha has granted unto me.”*
(“В моей власти лишь то,
Что позволяет мне Бог.”)

Затем он предсказывает ей счастливое замужество и девять детей: шесть её дочерей станут прекрасными дамами, а три сына – герцогом, рыцарем и лордом.

Сюжет баллады “The Knight’s Ghost” имеет некоторое сходство со шведской “Styvmodern”. В обоих произведениях умершие возвращаются в земной мир, чтобы спасти невинных (детей в шведской балладе, моряков – в шотландской). Однако концовка “The Knight’s Ghost”, в отличие от “Styvmodern”, не трагична. Девушка прислушивается к словам призрака, за что получает счастье как в земной жизни, так и после смерти:

*“But come to heaven when ye will,
There porter to you I will be.”*
(“Но ты попадёшь в рай, когда захочешь,
И я буду встречать тебя у ворот.”)

Ещё одна баллада, хоть и немного отличающаяся по сюжету от вышеупомянутых, но также повествующая о посещении духами живых людей, – шотландская “Cloutie”. В ней говорится о том, что одна-

жды к вдове, у которой было три дочери, явился рыцарь. Он дождался девушек и заявил, что если младшая не ответит на десять его загадок, ей придётся выйти за него замуж. Она правильно разгадывает девять загадок, а на последнюю: "...what is worse than a woman was?" ("...что хуже женщины?") – она произносит его имя (*Clootie*), и дух тут же исчезает в огне.

В непосредственную связь имени с судьбой люди верили с древности. Потому у многих народов существовала традиция давать новорожденному несколько имён, "основное" из которых необходимо было держать в тайне, пытаясь тем самым перехитрить злых духов либо судьбу. Существовала твёрдая убеждённость, что имя мистическим образом наделяет своего носителя определенными качествами.

Таким образом, узнав имя человека или существа, появлялась возможность обрести над ним власть [4, с. 4]. Именно это мы и наблюдаем в балладе "*Clootie*", когда, услышав своё истинное имя от простой девушки, призрак теряет свою сверхъестественную силу и сгорает на месте.

В балладе упоминается и магический обряд. Как только рыцарь вошёл в дом, старшая сестра, понимая с кем им приходится иметь дело, сразу же "... pinned the door with a silver pin" ("... воткнула в дверь серебряную булавку"). Согласно различным верованиям именно серебро является тем металлом, который отпугивает нечистую силу. Данный обряд был проведён, вероятно, с той целью, чтобы призрак не смог покинуть дом после того, как будет названо его имя. Судя по строке "*He flew away in a blazing flame*" ("Он улетел в яркое пламя"), тёмный рыцарь при помощи проведённого ритуала был отправлен в ад.

Отличительная черта данной баллады – наличие перепева, что является типичной скандинавской балладной чертой. Причём в перепеве после перечисления имён девушек мы встречаем христианский символ голубя:

*"Jennifer, Gentle and Rosemary,
As the dove flies over the mulberry tree."*

Таким образом, девушки (следует обратить внимание, что их трое, а число три одно из ключевых в христианстве), сравниваемые с голубем, справляются с посланником ада.

По своей структуре баллада "*Clootie*" представляет собой "riddle-ballad" (балладу-загадку). Среди англо-шотландских баллад данный тип считается самым древним и связан с балладами, построенными по принципу вопроса-ответа. Изначально именно такие баллады (песни) сопровождали танцевальные действия, а такая их структура помогала распределению ролей между участниками (главным действующим лицом и хором) [5, с. 19–20].

Заключение. Сравнив шведские и англо-шотландские баллады о возвращающихся призраках и мертвецах, можно утверждать, что их основное сюжетное различие заключается в мотиве возвращения. Можно констатировать, что главенствующий мотив шведских баллад такого характера – раскаяние, искупление земных грехов либо помощь страдающим, то есть мотив христианской добродетели, в то время как в англо-шотландских таковым выступает мотив трагической любви. Исключением может являться баллада "*The Knight's Ghost*", так как ведущий мотив в ней – помощь невиновным, но в то же время причина, по которой моряки чуть не погибли – месть Дженет за своего любимого. Причём правильнее будет говорить не об англо-шотландских, а о шотландских балладах, так как лишь в одной английской балладе мы имеем дело с сюжетом трагической любви, но всё равно в ней события происходят в Шотландии, и умерший возлюбленный приходит к девушке именно из этой страны.

Анализ балладных сюжетов подтверждает не только версию Уильяма Энтвисла о том, что баллады о трагической любви – исключительно шотландское явление [3, с. 230], но и их связь с данной точки зрения в первую очередь со скандинавской балладной литературой, нежели с английской.

ЛИТЕРАТУРА

1. Елина, Н.Г. Развитие англо-шотландской баллады / Н.Г. Елина // Английские и шотландские баллады в переводах С. Маршака. – М.: "Наука", 1973. – 161 с.
2. Jonsson, Bengt R. Sveriges medeltida ballader, utgivna av Svenskt visarkiv, band 1, Naturmytiska visor / Bengt R. Jonsson. – Stockholm: Almqvist & Wiksell international, 1983. – 495 s.
3. Entwistle, William J. European Balladry / J. William Entwistle. – Oxford: the Clarendon Press, 1939. – 404 p.
4. Згурская, М.П. Тайна имени / М.П. Згурская. – Харьков: Фолио, 2008. – 62 с.
5. The Cambridge History of English and American Literature: An Encyclopedia in 18 vol.; ed. by A.W. Ward, A.R. Waller, W.P. Trent, J. Erskine, S.P. Sherman, and C. Van Doren. Vol. II. The End of the Middle Ages. XVII. Ballads § 10. Riddle Ballads. – New York: G.P. Putnam's Sons; Cambridge, England: University Press, 1907–21. – 11013 p.

6. Afzelius, Arvid August. Svenska folk-visor från forntiden, samlade och utgifne. Vol. I–III / Arvid August Afzelius, Erik Gustaf Geijer. – Stockholm: hos Strinnholm och Häggström, 1814–1816.
7. Arwidsson, Adolf Iwar. Svenska fornsånger. En samling af Kämpevisor, Folk-Visor, Lekar och Dansar, samt Barn- och Vall-Sånger. Vol. I–III / Adolf Iwar Arwidsson. – Stockholm: hos P.A. Norstedt & Söner, Kongl. Boktryckare, 1834–1842.
8. Child, Francis James. English and Scottish Ballads. Vol. V / Francis James Child. – Boston: Little, Brown and Company 1860. – 448 s.
9. Jamieson, R. Popular ballads and Songs / R. Jamieson. Vol. 1: from tradition, manuscripts and scarce editions with translations of similar pieces from the ancient Danish language, and a few originals by the editor. – Edinburgh: Archibald Constable & Co., 1806. – 355.
10. Jonsson, Bengt R. Svenska medeltids ballader / Bengt R. Jonsson. – Lund: Bröderna Ekstrands Tryckeri AD, 1981. – 220 s.
11. Английские народные баллады: сб. – СПб.: Лань, 1997. – 241 с.
12. Английская и шотландская народная баллада: сб. / сост. Л.М. Аринштейн. – На англ. яз. с параллельным русским текстом. – М.: Радуга, 1988. – 512 с.

Поступила 05.01.2015

THE BALLADS OF THE RETURNING DEAD IN THE SWEDISH AND THE ENGLISH-SCOTTISH TRADITION

J. PAPAUL

The plots of the folk ballads about returning spirits of the dead are analysed in this article in order to find out similarities and differences in the Swedish and the English-Scottish ballad tradition. Comparative method used for this study is particularly relevant for the study of cross-cultural interactions in today's globalized world. Furthermore, the usage of this method can help to find out the proofs of the version of heterogeneity of English-Scottish folk ballads, which makes it possible to speak about typically English and typically Scottish ballad plots, as well as about the greater connection of Scottish ballads about the returning dead with the Scandinavian rather than the English tradition.